

І. Метафізика буття

В.В.Кизима

АКСИОМЫ БЫТИЯ

В статье на основе принципов метафизики тотальности предлагается универсальная модель бытия, а также разрешение с ее помощью некоторых спорных вопросов современной космологии и других.

Ключевые слова: *бытие, формы бытия, метафизика, монада, парс, генерология, сизигия, принципы, онтика, онтология, причинность, условия*

У статті на засадах принципів метафізики тотальності запропонована універсальна модель буття, а також розв'язання з її допомогою деяких спірних питань сучасної космології та інших.

Ключові слова: *буття, форми буття, метафізика, монада, парс, генерологія, сизигія, принципи, онтика, онтологія, причинність, умови*

On the basis of the principles of metaphysics the article offers a universal model of being. The model lays foundation for overcoming difficulties of modern cosmology as well as a number of other topical issues.

Key words: *being, forms of being, metaphysics, monad, pars, generology, syzygy, principles, ontics, causality, conditions.*

Предисловие

В свое время А.Эйнштейн подметил, что логическая основа физики «все больше и больше удаляется от данных опыта», в результате чего логическая система мышления физика выстраивается «лишь свободным вымыслом» [1, с.59]. Выход из этого произвола указал Нильс Бор, который, по свидетельству В.Гейзенберга, отстаивал приоритет понимания *смысла* изучаемого явления перед

попытками «скорее угадать правильные математические формулы с помощью заключений по аналогии, чем вывести их» [2, с.50]. Но в дальнейшем ситуация не улучшилась, более того, к сегодняшнему дню положение еще более обострилось из-за дороговизны получения существенно новых эмпирических данных в области микромира и астрофизики. Усилился спекулятивный момент «свободного вымысла» и, соответственно, еще больше снизилась роль объединяющего смыслового начала. Как итог, не срабатывает не только традиционное движение мысли «снизу вверх» - от опыта к теории, а и обратное движение, и не только из-за возросшего произвола «угадывания правильных математических формул», о котором говорил Н.Бор, а и из-за произвольного манипулирования скудными данными и гипотетическими предположениями, которые порой не соответствуют друг другу. Как отмечалось еще в 80-х годах XX ст., в науке имеет место «атмосфера неопределенности», когда «невозможно ни доказательство того, что новая гипотеза верна, ни того, что она не верна» [3]. <http://coollib.com/b/237261/read - n 73>. А в начале нашего века американский научный обозреватель журнала «Scientific American» Дж. Хорган опубликовал книгу «Конец науки», в которой утверждал, что фундаментальная наука подошла к своему концу, поскольку ученые уже раскрыли большую часть тех загадок мироздания, разгадкам которых и посвящает себя фундаментальная наука. Эти рассуждения вызвали неоднозначную реакцию как тогда, так и позже, когда книга была переведена на русский язык [4] и обсуждена в русскоязычном научном сообществе [5], [21], [22], [23], [24]. Ситуация кажется неопределенной, если не безнадежной.

Но в действительности в позиции Хоргана языком, хотя и не столько научным, сколько публицистическим, обозначена реальная глубинная тенденция, которую следует адекватно понять, чтобы найти реальный выход из тупика. Эта тенденция состоит в том, что сегодня не только физика, а и другие науки, претендующие на фундаментальность, достигли предела своих *дисциплинарных* возможностей, особенно при изучении сложных объектов. Об этом свидетельствует появление и широкое развитие *междисциплинарных* исследований - тенденции, важной своей интегральной направленностью. Но сама по себе междисциплинарность не решает обострившуюся проблему, она лишь оттягивает ее решение, поскольку, при отсутствии общеприменимой и эффективной модели междисциплинаризации, новый подход не упрощает, а усложняет ситуацию. Тем не менее, феномен междисциплинарности имеет существенное значение в том плане, что он бодем четко обнажил

созревшую противоречивость. Она заключается в том, что для получения общей модели междисциплинарного исследования, необходимо иметь широкую практику междисциплинарных исследований, но для развития такой практики необходимо иметь хотя бы гипотетическую общую модель этой самой междисциплинаризации.

Есть ли выход из этого замкнутого круга? Он существует, но связан не столько с наукой, сколько с качественно новыми, даже радикальными, требованиями к самому *современному исследователю*. Преодоление указанной трудности состоит в том, чтобы, *во-первых*, расширить мировоззрение «дисциплинарных специалистов» до *метафизического уровня*, т.е. выйти за пределы не только своей научной специальности, *а и самой науки*; *во-вторых*, используя метафизику, разработать представление об универсальной модели *бытия*, применимой к любой современной области знания, *в-третьих*, научиться и «обратному движению» - прилагать эту модель к конкретным исследовательским задачам науки, в частности, физики и астрономии. Раз фундаментальная наука вторглась в область, где ее компетенции недостаточно, именно *метафизическое* понимания мира как *бытия* может быть полезным для решения проблемы путем движения «сверху вниз».

Разумеется, решение указанных задач выдвигает новые, причем неординарные вопросы, на этот раз перед самими учеными, поскольку они оказываются перед необходимостью выхода во вненаучную, философскую область. А также и перед самими философами, которым необходимо сыграть главную роль в том, чтобы представить работоспособную универсальную модель бытия, о которой в прежней философии речь не шла в таком прагматическом смысле. Именно вопрос о *модели бытия* выдвигается на первое место и заставляет переводить внимание ученых и философов в новое русло, одинаково важное как для философов, так и для ученых. В том числе и потому, что смещает исследовательскую мысль в непривычное пограничное пространство, расположенное между наукой и метафизикой.

На этом пути необходимо прежде всего понять, почему до сих пор метафизика не была в должной мере соединена с наукой через учение о бытии, что, как кажется, было бы вполне естественно? Ответ состоит из двух пунктов: 1. потому, что наука в ее массовой эмпирической практике такой необходимости не испытывала. Лишь ученые масштаба А.Эйнштейна или В.Гейзенберга интересовались философскими проблемами; 2. потому, что сама *философская* мысль не была *единой метафизикой*, понимаемой как мудрость; вместо

этого существовало множество философий, носивших характер *любви* к мудрости, т.е. *любительства*, и каждая из философий претендовала на свое видение бытия, Иначе говоря, имело место не *единое истинное знание* о бытии, а *множество мнений* о нем, было много философий, но отсутствовала общепризнанная в своей истинности *единая метафизика*.

Какова ситуация сегодня? Она поменялась в последние двадцать лет существенным образом. Разработана метафизика, синтезировавшая не только прежние *философские* направления, а и *религиозные* и *научные* представления о бытии, и потому претендующая на звание не только истинной, а и единой метафизики. Речь идет о *метафизике тотальности*. Благодаря содержательности ее модели бытия она способна быть эффективной методологической основой решения как теоретических, так и практических задач любой области знания и практики. Она применима не только к природным явлениям, а и к обществу, человеку, к проблемам сознания, а также способна обеспечить содержательную интерпретацию так называемых аномальных явлений, которые еще недавно выламывались из всей системы человеческих представлений вообще. Ниже на базе принципов метафизики тотальности сформулированы аксиомы, в своем комплексе представляющие *модель бытия*, а также некоторые вытекающие из этой модели следствия и практические выводы.

Модель бытия и ее следствия

І. Аксиома онтико-онтологической дуальности. Данная аксиома фиксирует, что любая реальная форма бытия, начиная с физических, химических, биологических, социальных и кончая еще неизвестными нам, реально обладает *двойственной природой* - индивидуальной неповторимостью - *онтичностью*, и, одновременно, принадлежностью к породившей ее разноуровневой окружающей среде - *онтологичностью*.

Например, человек онтичен как неповторимый индивид, а как часть физического, биологического, социального миров – онтологичен, точнее *полионтологичен*. А поскольку в каждом из этих миров он онтически ведет себя по-разному (в физическом мире как физическое тело, в биологическом – как живое существо, в социальном – как существо социальное, как представитель планеты Земля – существо планетарное и т.д.) – он также и *полионтичен*.

Отсутствие принципа онтико-онтологической дуальности в традиционных философиях – основная причина множественности

філософських учень абсолютизувавши різні онтики і онтології, що, в свою чергу, не дозволяло їм прийти до розумінню буття як онтико-онтологічного єдинства многообразія.

Слідство 1. Кожна конкретна форма буття онтико-онтологічна по-своєму – із-за різних проявлень її монадності і парсичності. Як онтична вона має властивості індивідуальної *монадності* (переривності, кінченості, якісної визначеності, обособленості від інших явлень, локальності) і виступає як *монада*. А як органічна частина відповідних їй різних серед-онтологій, має властивість *парсичності* і виступає як *парс* (від лат. *pars* - частина). Як парс вона є вузлом перетинання різних умов і серед і сама продовжується в них неперервним, неограниченим способом. А вони визначають її монадну специфіку «звнутри». Таким способом, *люба буттійна форма має монадно-парсический (тр-) характер*, визначаючий як її зовнішні відносини, так і внутрішнє зміст. Так людина, беручи участь в системі виробничих відносин на роботі як виробнича монада, в той же час є парсом як вузлом «перетинання» в ній різних інших соціальних онтологій - природних умов, соціальної життя, духовної атмосфери в якій живе, і т.д. і цей її «парсический вузол» «зав'язується» на ній індивідуальним і специфічним способом, по особому сказуючись на її внутрішній житті. В інших ситуаціях має місце інша монадність і парсичність. Наприклад, перебуваючи в родинному колі, той же людина є монадою, але вже родинних відносин, а по відношенню до виробничої ситуації і всім іншим, є парсом.

Слідство 2. З онтико-онтологічної і пов'язаної з нею монадно-парсическої дуальності буття випливає, що буття завжди є *єдинством многообразія*. Люба форма буття, розглядається в конкретній ситуації, монадно-парсична по відношенню до цієї ситуації. При зміні ситуації характер монадно-парсическої подвійності змінюється, але сама подвійність *має місце завжди*. Людина, здатний виступати в різних ситуаціях як *поліонтичне* істоту. А різноманітності самих ситуацій, в яких він може знаходитися, утворює відповідний йому поліонтизму *поліонтологізм буття*. Само буття, в такому випадку, може розглядатися одночасно як *поліонтичне многообразіє його форм*, наявних завжди в

общем полионтологическом единстве, в котором каждой *онтической проекции вещи* соответствует своя онтология, а *каждой онтологии* соответствует *свое онтическое разнообразие вещей* – городу свое, обществу свое, природе свое и т.д. В общем случае онтико-онтологическая полнота бытия предстает как постоянно меняющееся единство многообразия, где многообразию соответствуют носители разных онтических функций, а единству – онтологические условия жизнедеятельности данных носителей.

Идея единства многообразия бытия всегда присутствовала в истории философии, но находилась на периферии мышления как неразрешимый *логический* парадокс. Принцип онтико-онтологической дуальности, рассматриваемый в *содержательном* плане, впервые разрешает данный парадокс. У каждого человека свой жизненный путь, а значит и свои неповторимые монадно-парсические траектории в бытии, при постоянном наличии самого меняющегося бытия как полионтологической субстанции всех частных процессов. То же относится и к каждой вещи.

Следствие 3 касается отношений детерминации бытия. Оно фиксирует: каждая форма бытия вследствие ее онтико-онтической дуальности взаимодействует с бытием *двойственным образом* – *внешним причинным* как монада с монадами, отвечающим за ее внешнюю жизнь, и *внутренним парсическим*, как часть (парс) разных онтологий бытия с другими частями этих онтологий. Онтологии в этом случае выступают как условия (*condition*) бытия формы, «отвечающие» за ее скрытую, внутреннюю жизнь. Конкретней, речь идет о следующем:

а) *онтические отношения* предстают как внешние причинные взаимодействия монадных форм, имеющие *энергетический* характер и меняющие их внешние отношения друг к другу в общих им онтологических пространствах. Определившиеся устойчивые причинные отношения системы монад называются *генерологическими* (от лат. *genero* – порождать, создавать). Примером генерологических отношений являются отношения компонентов производства в общей структуре (генерологии) производства, или отношения частиц в кристаллических решетках разного типа, атомов, входящих в кристалл и т.д. Монадно-генерологические (*mg-*) формы бытия в своей совокупности и причинных взаимодействиях представляют собой субстрат бытия.

б) в отличие от онтических причинных отношений, *онтологические отношения* форм бытия имеют сплошной, неявный (по отношению к внешней, субстратной онтике), *кондициональный, парсический* характер, представляют собой влияния онтологических сред, условий на скрытую жизнь бытийных форм не имеют прямого отношения к функционированию внешней монадно-генерологической структуры. Они влияют информационно-организующим образом на *внутреннюю* жизнь бытийных форм.

II. Аксиома ландшафтности бытия: единство многообразия бытия, рассматриваемое как сочетание полионтизма и полионтологизма, образует сложный универсум, обладающий *ландшафтным* строением.

Ландшафт является пересечением потоков разнородных влияний, формой и способом бытия, проявляющимся через особые характеристики, - место (топос), универсум мест и их порядок, морфология (морфологическое строение), архитектоника. В общем случае ландшафт характеризуется такими понятиями, как *пространство, время, движение, энергия, прерывность и континуальность, конечность и бесконечность, однородность и гетерогенность*. При этом всегда имеет место тенденция к взаимному согласованию всех ландшафтных компонентов, проявляющаяся в том, что изменение ландшафта в одном месте сказывается на других, а общие ландшафтные процессы влияют на частные (*ландшафтная самодетерминация*). Каждое место ландшафта обладает своим жизненным *потенциалом* (по Аристотелю – место «имеет силу»), а ландшафт в целом выступает как *поле влияний*. Не случайно понятие поля широко используется в географии, геологии, геоботанике, биологии, а также в психологии (Х.фон Эренфельс, К.Левин), лингвистике (семантические, ассоциативные, грамматические, синтагмические и другие поля), в истории (О.Шпенглер и др.), этнографии (Д.Н.Гумилев), не говоря о физике, химии, математике.

Следствие 1: Важнейшим свойством ландшафтности является ее *организующий (метапричинный)* характер. Ландшафтные влияния играют по отношению к объектам влияния оформляющую роль, они не только налагаются на развивающиеся в ландшафте события, а и кодируют их в виде упорядоченных морфологических пересечений влияний, соответствующих характеру ландшафтности. Между порядками ландшафта и регулярностями местных причинных отношений устанавливаются связи соответствия типа «оригинал- код (копия)».

Процесс перенесения общеландшафтных порядков на местный уровень кодирования выступает как сворачивание информации – *инволюция*. Последующее же раскрытие заложенного кода в местной жизни выступает как развитие места – как его *эволюция*. В общем случае из местного хаоса рождается местный же *порядок*, являющийся преломлением общеландшафтной упорядоченности, а из местного порядка развивается *местная жизнь* в ее специфической неповторимости. В этом смысле ландшафтные процессы осуществляются как *инволюционно-эволюционное единство*. Как писал еще И.Г.Гердер, в природно-географической среде берет начало специфический и неповторимый *Volksgeist* – «дух (гений) народа», комплекс его манер, обычаев, способ чувствования и поведения. Связь культуры и географической среды как особый принцип сформулирован в 1922г. в работе Л.С.Берга «Номогенез», а наиболее полно в работе Л.Н.Гумилева «Этногенез и биосфера Земли». Сегодня говорят о «законе Гердера-Гумилева», который фиксирует архетипическую связь этноса и окружающей среды через этнокультуру, этнопсихологию, глубинные пласты которых кажутся утраченными или безнадежно забытыми (А.В.Горбань).

Следствие 2: Ландшафт как метапричинный фактор является тем, что в философии и науке, в отличие от причин, называют *условиями*. Но условия в этом случае понимаются не как нечто пассивное, а в качестве *организующей, метапричинной* силы. Уяснение ландшафтного характера условий уточняет их отличие от причин. Условия не сводятся к причинам, как, считали, абсолютизируя принцип причинности («все имеет причину»), сторонники такого сведения. Также и причины не сводятся к условиям, как считали кондиционалисты. Условия и причины предполагают друг друга как равноценные и взаимозависимые по отношению друг к другу детерминирующие факторы. Условия всегда являются таковыми только по отношению к соответствующим причинным отношениям. А причинные действия всегда проходят в определенных условиях.

Наличие организующей функции сложного в своем строении ландшафта позволяет говорить о разных ландшафтных «планах» влияния, под координирующим влиянием которых идут процессы в каждом конкретном случае, в частности, понять рациональный момент теологической идеи «божественного Плана», в соответствии с которым все в мире творится соответственно замыслу Бога. При этом, однако, исчезает необходимость в религиозном понимании плана как единственного и божественного. Ландшафтный план реально

выступает как единый и, одновременно, многообразный, а также неповторимый для каждого отдельного места. Многоплановость ландшафта присутствует не только как природная, социальная или иная, а и как внутприродная (физическая, химическая, геологическая, биологическая и т.д.), внутрисоциальная (семейная, производственная, политическая, духовная и др.). При этом, она не остается постоянной и неизменной на всех уровнях. Поэтому не существует абсолютных ландшафтных онтологий и онтик, ландшафт в этом смысле неисчерпаем, имеет место его полионтизм и полионтологизм. Об этих и других особенностях ландшафта подробней см. [6, с.6-14]; [7, с.8-17].

Следствие 3: поскольку способом и формой бытия является ландшафтность, бытие человека имеет ландшафтный характер [7, с.3-16].

1. Человек пребывает во внешнем и внутреннем отношении к ландшафтам бытия – в первом случае он *человекоразмерен* внешней ландшафтности мира в телесности и своем поведении, во втором – является *человекомирным* существом, несущим коды ландшафтности мира в себе в результате кодирования ландшафтом формирования и появления человека как в историческом, так и в индивидуальном плане.

2. Ландшафтное влияние на сознание человека носит не зеркальный характер, а предстает как «иерархическая структура когнитивных репрезентаций» [20], *не похожих* на упорядоченность внешнего ландшафта, но *соответствующих* ей. Когнитивная репрезентация предстает как качественно иная, самостоятельная ландшафтность – как ландшафтность *познания*, «субъективный образ мира» [20, с.64].

3. Человек не только кодируется ландшафтом, а своей деятельностью также опредмечивает несомый им ландшафтный когнитивный код во внешней действительности и тем *меняет ландшафтность бытия*. В результате этого единство человека и бытия предстает как *процесс кодирования-декодирования*, меняющий бытие и развивающий культуру и самого человека через формирование ментальных ландшафтов второго, третьего и дальнейших порядков. В целом происходит усвоение и уплотнение информации в сознании человека и, через это, - изменение его взгляда на мир и отношения к миру.

4. Определмчивающе-распредмчивающая деятельность, человека, обеспечивая соответствие между идущим «вовнутрь» человека процессом кодирования (*инволюции*) и идущим «вовне» процессом декодирования (*эволюции*) означает непрерывное сохранение *инволюционно-эволюционного единства*. Подобные инволюционно-эволюционные процессы идут и во всем бытии. Они могут рассматриваться как действие закона сохранения многообразия бытия.

ІІІ. Аксиома жизни бытия: в жизни любой бытийной формы определяющую роль играют причинно-кондициональные взаимодействия. Они осуществляются в соответствии с *принципом причинно-кондициональной самодетерминации*. Согласно данному принципу, причинно влияя друг на друга внешним (монадным) образом, формы бытия в то же время неявно затрагивают свои скрытые (парсические) отношения с миром и через них как условия (*condition*) своего бытия сказываются на поведении не только других форм бытия, а и рефлексивно на собственной внутренней жизни. Эти внутренние влияния затем модифицируют внешнее поведение данной формы и процесс, продолжаясь в новых циклах самодетерминации, ведет к изменению как генерологических причинных связей и отношений форм, так и их внутренней жизни и парсика. Так внешние манипуляции человека с монадами и генерологиями, неявно влияют на окружающее парсическое поле, а его изменение сказывается обратным образом на парсическом состоянии человека, что, в свою очередь, влияет на результаты его внешних манипуляций. Данный механизм носит универсальный характер, поскольку его действию подчиняется как явная жизнь, так и скрытые процессы всего бытия в их неразрывном единстве. Он может применяться в любых конкретных ситуациях, достаточно определившихся, чтобы в них более или менее отчетливо проявлялись внешние причинные влияния, взаимодействие монад и генерология, с одной стороны, и их парсические ауры и скрыто действующая парсика остального мира - с другой.

Следствие 1. В рассмотренном механизме причинно-кондициональной самодетерминации самым загадочным для человека моментом всегда был выход *скрытых* кондициональных парсических влияний на внешний уровень жизни и в иной форме. Например, в человеке это проявляется как влияние бессознательных процессов на

внешнее причинное поведение человека. Как скрытые влияния трансформируются во внешние изменения? Ответ на этот вопрос всегда вызывал затруднения. Возникавшие как бы «ниоткуда» внешние изменения представлялись неясными по происхождению, а кроме того, были такими, которые не вписываются во внешнюю причинную картину жизни и потому рассматривались как *сверхъестественные* в своей сущности. Этим неожиданным внешним нарушениям и отклонениям в функционировании бытийных форм часто приписывалось мистическое или иное подобное происхождение.

Между тем, мы сталкиваемся с ними постоянно, как в научной деятельности, так и в практической жизнедеятельности, уже хотя бы потому, что наша деятельность преследует некоторую цель, но не всегда ее достигает. В деятельности по схеме цель-средство-результат (Ц-С-Р) всегда оказывается, что основной результат Р испытывает те или иные отклонения от цели за счет некоторой непредвиденной добавки ΔP , которую не удастся полностью устранить нашими внешними средствами. Формула деятельности на самом деле имеет вид Ц-С-(Р \pm ΔP). Так, измеряя какую-либо физическую величину в эксперименте, мы всегда сталкиваемся с т.н. ошибкой измерений, природа которой определяется *не изучаемым процессом*, а некими скрытыми влияниями. Они и носят в данном случае парсический характер, *не* являются «случайными», а несут информацию о глубинных онтологических средах, явлениях и влияниях, отличных по своей сути от изучаемых нами онтических действий. За ΔP и «отвечают» скрытые, не поддающиеся исключению внешними причинными действиями, парсические влияния среды. При этом парсические влияния различны на разных онтологических уровнях, а их субстраты «живут» своими специфическими причинными и парсическими отношениями и несут в себе огромную информацию о еще неизвестных нам явлениях и влияниях бытия.

Следствие 2: из-за важной роли парсических влияний, которые до сих пор недооценивались, все более необходимой становится специальная область знания, направленная на исследования парсического феномена. Уже сегодня выделяются разные методы изучения парсических влияний. В метафизике тотальности ими занимается *парсология*. Приведем один из примеров современного подхода к изучению парсики. В недавних массовых исследованиях случайных процессов, описанных И.Магафуровым [8] сделан обоснованный экспериментально вывод о том, что результаты *случайных* испытаний, если не ограничиваться только их средними

величинами, а внимательно проанализировать максимально большое число знаков «после запятой», на самом деле оказываются *неслучайными*, они подчиняются определенным закономерностям, например имеет место повторяемость их определенных групп. В таком случае традиционное вероятностное описание данных результатов оказывается неадекватным. Более того, сами наши представления о случайном становятся *неверными в корне*, поскольку если в последовательности «случайных» чисел обнаруживается повышенное по сравнению с теорией вероятности число самоповторов фрагментов *одних и тех же чисел*, это не вписывается в данную теорию. Как пишет И.Магафуров, в больших массивах данных «огромные фрагменты последовательностей повторяются с редкой точностью. Увидеть такое и по-прежнему ограничиться языком теории вероятности – не думаю, что это возможно» (с.222). Он отмечает также, что «понятие вероятности может быть введено лишь с ограничениями, например, на среднее», «предсказания теории вероятности хорошо работают для средних значений, в тех случаях, когда как говорят «большая статистика»»(с.221).

Исходя из этих результатов, можно утверждать, что, хотя нас интересуют обычно средние величины как явные и достоверные, а потому важные для сегодняшних сфер нашей причинной деятельности, самое необычное, интересное и важное *в перспективном плане* содержится не в средних величинах, а в отклонениях от них. Последние определяются скрытыми парсическими влияниями, несущими информацию о глубинных силах, овладение которыми может оказаться важным в дальнейшем и для нашей внешней жизни подобно тому, как скрытые в свое время электрические, магнитные и ядерные поля и силы по мере их открытия в корне изменяли жизнь общества. Более того, с позиций такого подхода и метафизики тотальности вообще, ничто не мешает нам считать, что движение по пути развития парсологии – это прямой путь к уяснению сущности феноменов, которые сегодня рассматриваются как аномальные, мистические или как удивительные случайные совпадения. Жизненное поведение человека гораздо интересней и сложнее, чем то представление, которым мы сегодня с ним связываем, оно есть постоянная игра парсически-монадных и парсически-генерологических возможностей, связанных с реализацией тех или иных не только причинно-энергетических, а и информационно-парсических феноменов.

«Неожиданные», «спонтанные», неконтролируемые изменения и «нарушения» во внешних причинных взаимодействиях проявляют

себя также в ходе познания и в жизни общества. В связи с этим приведем еще два примера-следствия – один из области гносеологии, другой – из социальной жизни.

Следствие 3. Существуют три модели познания – *классическая*, в которой среда рассматривается как определяющая знание человека («знание есть отражение бытия», объект определяет знание субъекта: $O \rightarrow S$); *неклассическая* – где человек, задавая саму методикку и методологию познания, тем самым, предопределяет и специфику объекта и знания о нем («объект есть то, что определяется субъектом»: $S \rightarrow O$); *постнеклассический* подход, в котором человек является частью среды (объекта) и потому, влияя на среду, испытывает на себе с ее стороны результаты своего собственного воздействия, что меняет его как субъекта и влечет его новое действие на среду. В таком циклическом процессе меняются как субъект, так и объект. Классический и неклассический подходы соответствуют классической и неклассической науке и предполагают разовые познавательные действия. Постнеклассическая модель схватывает познание как *реально развертывающийся процесс*, происходящий в соответствии с принципом причинно-кондициональной самодетерминации. Постнеклассическая модель синтезирует классическую и неклассическую и именно она описывает познавательный процесс в его полноте и целостности.

Следствие 4. Общество как целостная форма бытия имеет в качестве *генерологического каркаса* сложную систему монадно-онтических отношений в виде государственных структур и их связей, а также системы экономических, производственных, финансовых и прочих официально оформленных институций, действующих причинно-следственным образом в соответствии с конституцией и законодательством. *Субстанциальным основанием* указанных генерологий выступает гражданское общество – обычная, связанная с традициями, но неформализованная, находящаяся в постоянном изменении и преобразованиях и постоянно рождающая новые отношения людей жизнь, в которой ведущую роль играют свободные, неюридические отношения людей во всей их осознаваемой и неосознаваемой полноте, неожиданности, разнообразии и творчестве, и проявляющаяся через общение, обмен мнениями, создание и действие неформальных групп и сообществ, неофициальные контакты, стихийные проявления своих желаний и требований к официальным структурам. Механизм причинно-кондиционального

взаимодействия институциональной жизни и гражданского общества служит источником и регулятором развития обществ и социума как целого, и может быть использован для оптимизации управления ими. Другие важные следствия принципа причинно-кондициональной самодетерминации рассмотрены в [9].

IV. Аксиома сизигийности: поскольку генерологические структуры целостной формы жизни представляют упорядоченные отношения, а парсические влияния вносят в них неупорядоченность, реальная ситуация, в которой пребывает любая бытийная форма, связана с отношением меры ее генерологического порядка N_g к мере парсического хаоса N_p . Этот параметр в метафизике тотальности называется *сизигией* (от др.-греч. σὺ-ζύγος — парное сопряжение, сочетание). Если обозначить сизигию S , то можно записать: $S = N_g/N_p$. Сизигия может меняться в ходе изменения целостной формы и, тем самым, *служить численной мерой* ее парсически-генерологического состояния, а также перехода от более упорядоченного состояния к менее упорядоченному и наоборот. Поэтому сизигийный показатель можно использовать для описания и контроля состояния бытийной формы, а также для целенаправленного управления ее изменениями.

Следствие 1: Не все значения сизигии являются оптимальными для бытийных форм. Например, при $N_g=0$, когда упорядоченность расшатана и имеет место парсический хаос, в бытийной форме отсутствуют устойчивые генерологические отношения и она распадается и исчезает. При $N_p=0$, когда отсутствует парсика, генерология максимальна, но имеет закостенелый, «тоталитарный» вид. В такой ситуации форма утрачивает парсическую гибкость, позволяющую ей без ущерба переносить небольшие парсические колебания, в том числе и вызываемые внешней средой. Устойчивая форма на самом деле является хрупкой, и даже под небольшим точечным внешним воздействием может разрушаться.

Из сказанного следует, что между двумя указанными крайностями должно существовать некоторое *оптимальное значение* сизигийности $Sopt.$, связанное с ситуацией *максимального соответствия* значений генерологии и парсики друг другу. Как показали К.Шеннон и Е.А.Седов на примере исследования текстов и социальных систем, в *устойчивых во времени* текстах и системах отношение меры генерологической упорядоченности к мере их парсического хаоса составляет 80% к 20% [10]. Как оказалось, данная пропорция была до

того уже известна *емпірически* в разных областях жизнедеятельности. Например, Дж.Зипф в середине XX в. писал, что в социальных системах примерно 20-30% любого используемого ресурса (сотрудники, товары, время, знания и т.п.) дают 70-80% результатов, связанных с этим ресурсом. Известно и эмпирическое правило, выявленное итальянским экономистом и социологом В.Парето и обобщенное в виде принципа англичанином Ричардом Кохом как принцип 20/80, согласно которому 20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий — лишь 20% результата. В метафизике тотальности подобные эмпирические правила и случаи становятся *частными случаями* универсального принципа оптимальной сизигийности бытия. Можно, в связи с этим, сделать общий вывод: формула оптимальной сизигийности, обеспечивающей устойчивое состояние любой бытийной формы, имеет вид: $Sopt=Ng/Np=4$. Т.е. численное значение сизигийного оптимума равняется четырем и имеет универсальное значение для любых оптимальных парсически-генерологических отношений [11, с.96], [12, с. 122-136].

Следствие 2. Кроме выяснения численного значения оптимальной сизигийности оказалось возможно выяснить и его природу. Это было сделано в связи с другими исследованиями и в другой области. Оказалось, что сизигийный оптимум имеет вполне определенный *содержательный смысл*. В.И.Акунов на примере исследования истории развития сложных технических систем (конкретно речь шла о богатой истории мельничного дела) [13, с. 398-413] показал, что в их развитии можно выделить как более устойчивые по комплексу своих параметров во времени модели, так и имеющие переходный, неустойчивый во времени характер. Он зафиксировал, что:

1. в ходе развития и совершенствования сложных технических систем осуществляется их самонормирование, т.е. выделяются их *дискретные состояния*, поскольку система нормируется по некоторым характеристическим параметрам, образуя в соответствии с ними эволюционный *дискретный ряд*;
2. отбор систем активно осуществляется условиями их жизни в момент возрастания энтропии, т.е. *при усилении хаоса (неопределенности) состояния системы*;
3. отобранная устойчивая система характеризуется высокой степенью организованности (*минимумом энтропии*) при *минимуме удельных затрат вещества, энергии и информации* на единицу преобразуемого потока ;

4. общий процесс подчинен *минимизации удельных затрат вещества, энергии и информации* на единицу преобразуемого потока.

Иначе говоря, в общем случае *оптимум сизигийности*, связанный с устойчивостью состояния системы, означает достижение системой состояния *минимума затрат субстрата, энергии и информации на переработку ею единицы внешних потоков*.

Это правило действует и в случаях нарастания сложности генерологических форм в самой системе, когда они надстраиваются друг над другом. Результат данного генерологического усложнения как в живой, так и неживой природе, а также и в деятельности человека, подчиняется *правилу золотого сечения*. Мысль о том, что «золотая пропорция является главной пропорцией мироздания, то есть некоторым универсальным кодом природы», обосновывается в работе [14, с. 294]. При этом, как оказывается, «золотой» характер сечения также связан с *минимумом затрат энергии*. В таком случае можно сформулировать более общее положение сизигийности: *процессы генерологизации являются сизигийно оптимальными тогда, когда идут по линии минимизации затрат вещества, энергии и информации, и оформляются в виде устойчивой субстратности, в которой сизигийный параметр равняется четырем ($S=4$), а морфологические отношения, устанавливающиеся в ней, прямо или опосредованно выражаются через параметр золотого сечения*.

Процессы, не соответствующие данным требованиям, являются нестабильными, утрачивающими свою идентичность, или распадаются. Таков истинный смысл происходящих в бытии сизигийных преобразований. К этому можно добавить, что деградация, унификация и исчезновение частных форм может провоцироваться влиянием сизигийных процессов *более общего характера*. [15, с. с.59-61]. Таким образом сизигийный фактор является вездесущим и «контролирующим», а также определяющим ход любых процессов. Поскольку все, что происходит в бытии, определяется сизигийными требованиями, сизигию можно рассматривать как *сущность бытия*.

V. Аксиома метаморфозов бытия: бытийная форма pg может не только находиться в оптимальном сизигийном положении или разрушаться из-за ухода от него, но и, меняясь, *испытывать метаморфозы*, сохраняя при этом свою идентичность. Так человек, меняясь физически и духовно, остается на протяжении жизни идентичным себе, общество, проходя в своей истории через

существенные трансформации, сохраняется как «то же самое», например, французское, английское или другое. Есть ли в этом процессе закономерность?

Метаморфическая аксиома утверждает: *развитие любой целостной формы бытия в общем случае имеет вид:*

$$pg-1 \rightarrow \text{меон} \rightarrow \text{амер} \rightarrow pg-2 \rightarrow \dots$$

Здесь исходное состояние $pg-1$ может приходить к такому изменению pg -отношений, когда нарастание парсики p ведет к разложению генерологических отношений g . Это порождает сизигийную неустойчивость, *pg-неопределенное* и неустойчивое состояние, которое названо *меоническим*. Меон может распасться, что влечет исчезновение бытийной формы. Но он может подструктурированным влиянием парсики внешней ландшафтной среды не только сохраняться, а и переоформляться в соответствии с ландшафтным кодом внешнего парсического поля в новое состояние – *американское*. Амер выступает как зародыш нового состояния $pg-2$, но будучи еще только его зародышем существует в неустойчивой форме. Американское состояние также может распасться под влиянием неблагоприятных условий, но если в нем успевают выработаться собственные рефлексивные механизмы самодетерминации, способные усиливать его устойчивость и вести процесс к оптимальной сизигийности, *амер* перестает критически зависеть от середины и приобретает новую генерологическую форму $pg-2$. Дальше процесс продолжается по той же схеме, но в новых парсически-генерологических качествах как процесс *развития*.

Следствие 1. Уяснение механизма метаморфозов бытия важно для управленческой деятельности по отношению к развивающимся процессам любого типа, в том числе общественным. Управлять ими можно через варьирование парсически-генерологических функций и отношений при переходе от состояния $pg-1$ к *меоническому* состоянию; через поддержание оптимального отношения внешних и внутренних влияний при переходе от *меонического* состояния к *американскому*, и через выстраивание оптимальных рефлексивных pg -отношений при утверждении нового состояния $pg-2$. С этих позиций могут анализироваться и управляться любые переходные процессы и оптимальным сизигийным образом осуществляться весь ход метаморфоза.

Следствие 2 касается общего строения бытия: в вечно существующем бытии *всегда присутствуют* «составные части», образующие его *вечное строение*, которое включает в себя:

- *парсические влияния* разных уровней бытия, несущие информацию о строении бытия и играющие организующую роль по отношению к отдельным фрагментам и формам бытия;

- *pg-определенные отношения монад и парсов*, образующие в своей совместимости конкретно ощутимый в своей монадности и генерологичности субстрат бытия;

- *меонические состояния pg-неопределенности*, в которых преобладает *несовместимость (несизигийность)* компонентов бывших *pg-целостностей* и потому имеет место взаимное «отталкивание» и «разбегание» их фрагментов в результате освобожденной энергии этих целостностей;

- *американские образования pg-определенности*, формирующиеся в ходе парсических организующих влияний среды на меонические состояния, но еще существенно зависящие от устойчивости этих влияний. В этом случае возникает *совместимость*, гармонизация (взаимоопределяемость, «сближение», «притягивание») между новыми фрагментами, а также между ними и средой, возникает собственный *механизм сизигийной* устойчивости. Это позволяет им приобрести относительную внешнюю свободу и превратиться в полноценную субстратную *pg-определенность* в среде.

Итог следствия-2 состоит в том, что: *сверх вещей*, их внешних причинно-генерологических и скрытых парсических отношений как условий друг друга, а также переходных *меонических* и *американских* состояний *в мире нет ничего* и, поняв механизм бытия как тоталогенеза, мы потенциально обретаем знание обо всем - знание истинной модели бытия.

В этой модели содержанием являются: сизигия как сущность бытия, обеспечиваемая механизмом *причины-кондициональной самодетерминации*, а также связанные с ней параметры - субстрат, энергия, информация (триада СЭИ). Формой бытия является постоянно ваоспроизводящееся *единство его многообразия*, реализуемое в виде *ландшафтности*.

Представления о сизигии как интегральном параметре, сущности бытия, философы и верующие издавна наделяли особыми обозначениями - благо, гармония, любовь, со-возможность, со-причастие, консубстанциальность и др. Внешне сизигийность бытия связана с вполне определенными отношениями указанных

универсальных параметров СЭИ и эти отношения могут служить непосредственными индикаторами оптимальной сизигийности или ее нарушений, требующих перестройки бытийных отношений. [16, с. 67-68]

Следствие 3: рассмотренная модель бытия может быть использована на практике. В том числе для корректировки существующих сегодня представлений и моделей об отдельных формах бытия. В качестве примера рассмотрим через ее призму существующее представление о строении Вселенной. Сегодня признана модель Вселенной, включающая в себя *три компонента*. Согласно данным сотрудников Физического института им. П.Н.Лебедева РАН [17, с.1129-1164] к ним относятся: *обычная материя* (обычное вещество), с которой имеет дело человек и которую на протяжении всей истории он изучал. Ей соответствует более 4% энергии Вселенной (примем ради простоты это значение равное 4%). Остальные 96% - нечто энергетически неизвестное, получившее название *«темной материи»* и *«темной энергии»*. «Темная материя» не излучает свет и не наблюдается в телескопы и может быть обнаружена только по ее *гравитационному* влиянию на поведение наблюдаемых астрофизических систем, находящихся в разных космологических масштабах. Она составляет около 26% общей плотности энергии. «Темная энергия» - нечто, что не собирается в згустки, она равномерно «разлита» во Вселенной, обладает свойством отрицательного давления (*антигравитации*) и связана с ускоренным расширением Вселенной, что, однако, не изменяет ее плотности. Ее вклад в общую энергию Вселенной, как считается, составляет приблизительно 70%.

Сопоставляя вышерассмотренную модель *бытия* с этими данными, казалось бы можно допустить, что «обычная материя» в этом случае является совокупностью монад и их генерологических отношений, а также связанной с ними парсикой (4%). «Темная материя» может быть сопоставлена с парсическими гравитационными влияниями, несущими информацию и потому играющими в основном «организующую роль» по отношению к обычной материи (26%). «Темная энергия» (70%), учитывая ее антигравитационную, нарушающую устойчивость обычной материи роль, может быть связана с состоянием рg-неопределенности, которую, вообще говоря, следовало бы отнести к парсике с обратным знаком. Но более детальный анализ этого параметра указывает на необходимость уточнения строения Вселенной. Данный анализ проведен в

приложении к цитировавшейся работе [16, с. 66-70]. Полученный там уточненный результат имеет следующий вид:

«Обычная материя» $N_g=4\%$;

«Темная материя» $N_p=26\%$;

Америческая «темная энергия» $N_a=60\%$

Меоническая «темная энергия» $N_m=10\%$;

Из этой структуры Вселенной вытекают некоторые важные следствия. *Во-первых*, оказывается, что меоническая «темная энергия», связанная с антигравитацией, не так значительна по величине по отношению к обычной материи и темной материи ($10/30=0,3$) как в существующей модели строения Вселенной ($70/30=2,3$) и вполне может пополняться в процессе расширения Вселенной. Тогда как в старой модели ситуация не так проста в количественном плане. *Во-вторых*, ясным становится сам механизм «неисчерпаемости» энергии, идущей на расширение Вселенной. Энергия, восполняющая израсходованную на расширение, существует за счет значительных запасов амерической «темной энергии» (60%) и ее меонизации *из-за* расширения Вселенной, *в ходе* расширения и *в соответствии с ним*. Расширение нарушает устойчивость существующих в области расширения амерических узлов и ведет к их распаду, но на их месте возникают новые узлы, связывающие ту же энергию по-новому, в соответствии с новой ситуацией. Таким образом, в ходе расширения и прочих космических процессов энергия не возникает из ничего, она лишь качественно переоформляется на базе изменений и переопределений вида амерического состава. Сказанное позволяет высказать предположения, позволяющие дать ответы на некоторые проблемы, обсуждаемые в современной космологии.

Ценность полученного результата, помимо уточнения слагаемого «темной энергии», состоит также в том, что каждому из этих компонентов можно дать конкретную интерпретацию с позиций метафизики тотальности, что поможет выяснению также и физического смысла этих компонентов. Если «обычная материя» представляет собой генерологический мир космической тотальности, «темная материя» ее парсику, то америческая «темная энергия» является той частью парсически-генерологической неопределенности, которую можно назвать «предбытием», «еще-не-бытием» форм «обычной материи», чем-то близким тому, что в физике называют нулевыми колебаниями физического вакуума. Это может позволить высказать дополнительные соображения о самом вакууме.

В отличие от этого меоническая «темная энергия» выступает как та часть парсически-генерологической неопределенности, в которую «уходит» обычная материя, и которую можно назвать «уже-небытием», но таким которое предшествует америческому «предбытию». Меоническое состояние (10% общей энергии) – постоянный «резервуар» потенциалов, содержимое которого не уменьшается, при поддержании им амерической темной энергии (60%) и монадно-генерологических образований обычной материи (4%), поскольку он постоянно пополняется за счет распада части амерических форм темной энергии и части обычной материи. Поэтому максимальная плотность меонического энергетического состояния *не меняется и при расширении Вселенной*. При этом, меоническая сплошность находится в состоянии непрерывной и хаотичной текучести из-за абсолютного отсутствия в ней внутренней сизигийности [16, с. 70-71].

Следствие 4: полученный результат, касающийся строения Вселенной, как частной формы бытия, может рассматриваться как конкретное проявление общей структуры *любой формы бытия*, поскольку должен иметь универсальное значение, а потому может быть распространен на любые ситуации целостного единства многообразия.

Можно утверждать, что обнаружена универсальная модель *состава и пропорций* строения *любой устойчивой реальной формы бытия вообще*, с учетом, однако, того обстоятельства, что в конкретных случаях необходимо учитывать еще парсические влияния внешней по отношению к конкретным формам окружающей среды, которые могут вносить существенные изменения в знаменатель общей формулы сизигийности и давать разное значение структурных компонентов для разных случаев.

С другой стороны, это создает возможность теоретического анализа всего возможного разнообразие разных целостных образований и миров, начиная со строения химических элементов, порожденных ими структур, веществ и вещей, обилия сложных форм проявлений растительного и животного мира, а также сложной жизни социума, и кончая формой, в виде которой существует наша Вселенная. Исходя из этого, можно применить полученный результат для определения, например, степени сизигийности того или иного общества, отслеживать процессы глобализации с точки зрения нахождения глобального социума в той или иной точке социогенеза и выбора наиболее эффективных путей достижения и поддержания

оптимальной сизигийности – того самого «устойчивого развития» социума, о котором в мире идет речь с 1992 года.

В то же время, общая модель бытия позволяет рассматривать и вопросы, связанные с познавательными проблемами и духовной жизнью вообще. В качестве важного примера из этой области и связанного со сложной современной ситуацией соотношения философии, науки и религии, о которой речь шла в предисловии к данной статье, рассмотрим ее разрешение в качестве заключительной аксиомы, опираясь на положения, ранее высказанные автором на одной из конференций [18, с.3-5].

VI. Аксиома синтеза философии, религии, науки: основой концептуального синтеза философии, религии, науки является принцип онтико-онтологической дуальности метафизики тотальности.

1. Синтез философии, религии и науки может быть реально осуществлен тогда, когда появится общий для них глубинный *мета*принцип, разными воплощениями которого все они являются. Указанный метапринцип должен касаться истоков бытия, общих для философии, религии и наук, и способный объединить их не на разводящую, а на объединяющей основе бытийного уровня интерпретаций. Этим глубинным метапринципом является принцип онтико-онтологической дуальности бытия.

До сих пор данный принцип отбрасывался, что и привело к дивергенции мировоззренческих позиций разных стран и народов и породило различные формы высшей духовности – мифологию, философию, религию, науку, и вызвало много исторических недоразумений между ними самими. Поскольку современная глобальная реальность приводит к необходимости его принятия как одного из центральных, если не центрального мировоззренческого императива в понимании бытия, это создает предпосылки для преодоления прежних недоразумений и объединения практической и духовной жизни социума, не теряя, при этом, ее местных особенностей и выстраивая глобальную полноту жизни как *гармонию единства многообразия*. В ней многообразие ценно как богатство форм жизни и опыта только тогда, когда развивается на ниве общего, плодотворного и потому богатого единства. В этих условиях открывается возможность гармоничного сизигийного объединения человечества на единых мировоззренческих основаниях, в конкретных случаях жизни прилагаемых специфическим образом, и потому

вызывающих рост новых возможностей всех и для всех. Это объединение произойдет не сразу, но оно неизбежно.

2. В европейской традиции со времен Платона и Аристотеля сущее (*онтоc*) толковалось в двух главных смыслах: (а) как совокупность разнообразных форм бытия и сами отдельные вещи, которые ему принадлежат - как *онтический* мир (концепции атомизма, монадности, мир Природы Ф. Бэкона и т.п.); (б) как *онтологический мир* – абсолют, который имеет субстанциальный, вечный, нелокальный, иными словами континуально-полевой, всеприсутствующий, но неощутимый характер, который может рассматриваться как идеальный, сверхприродный (в теологии выступает как Бог, у Гегеля как абсолютный дух, у Шопенгауэра и Ницше как воля), или как материальный (как физический вакуум, физические поля), или характер его до конца остается непонятным (поля психологического общения и коммуникаций в обществе, силы, объединяющие части в целое, людей в этнос, нацию или другую общность).

До сих пор отмеченные миры рассматривались отдельно один от другого, противопоставлялись друг другу. Абсолютизацию онтического можно обозначить как проявление *онтизма*, а абсолютизацию онтологического, как проявление *онтологизма*. Борьба онтизма и онтологизма в разных вопросах привела к возникновению не только разных познавательных позиций, а и разных мировоззренческих сфер, которые обрели практическую легитимацию в обществе в форме философии, религии и науки с различными промежуточными вариантами отношений между ними (религиозная философия, мистика, эзотерические учения, теософия и др.). Все они в своем развитии вращаются вокруг вопроса о соотношении онтологического и онтического моментов. Философия – вокруг проблемы соотношения (соответствия) единства и многообразия бытия (бесконечного к конечному, непрерывного к дискретному, сущности к явлению, вечного к темпоральному и т.д.), первичной субстанции (первоначала-архе) и форм его воплощения, а, начиная с Платона, – вокруг темы соотношения идеального и материального миров, сознания и телесности в человеке и др. Религия и теология возникли как следствие вращения человека вокруг проблемы отношения надприродного, сверхчувственного, духовного, потустороннего мира, который выявляет себя через сны, галлюцинации, измененное сознание и чудеса, и посюстороннего мира

вещей и жизнь человека. Наука – вокруг проблемы сущности Природы как единого детерминированного причинными связями и отношениями целого к отдельным эмпирическим фактам, явлениям и процессам, полей к вещам, а также теоретической научной картины мира к практическому многообразию реального мира природы, идеального субъекта к материальному объекту.

3. Чтобы синтезировать науку, философию, религию, необходимо преодолеть онтизм и онтологизм. Выход состоит в том, чтобы признать онтико-онтологическую природу вещей, в которой онтический момент неразрывно связан с онтологическим, является проявлением последнего, а онтологический существует только через проявление онтического. Единственно правильным является положение об *онтико-онтологической дуальности* мира.

Попытка установить связь между онтикой и онтологией пронизывает историю философии, религии и науки. В философии наиболее близко к разрешению этого вопроса подошел М.Хайдеггер. В религии – это представления Ф.Шеллинга о том, что Бог - не только состояние, а и жизнь, которая совпадает, фактически, с эволюцией природы. В науке примером может служить корпускулярно-волновой дуализм как принципиальный концепт микрофизики. Завершение этого движения через сознательное принятие онтико-онтологической дуальности в качестве универсального синтезирующего принципа, осуществлено в современной метафизике тотальности. Она конкретизирует указанный принцип с помощью понятий „генерология”, „парсика”, америческое состояние” и другие.

Как уже отмечалось выше, онтико-онтологическая дуальность проявляется в каждой вещи как ее *монадно-парсическая природа*. Это означает, что любая вещь в отношениях с другими вещами проявляет себя как индивидуальная целостность-монада, а по отношению к бытийному контексту в целом, как порожденная им и неотделимая от него его органическая часть, выступает как *парс* (от лат.*pars* – часть). Совокупность устойчивых монадных отношений вещей составляет их *генерологическое* существование (от лат.*genero* – порождать, создавать). Через разные генерологии вещи включены в мир внешних причинных отношений. Через парсические связи и отношения вещи связаны неявным, внутренним образом как части общих сред. Поэтому в генерологических отношениях вещей как монад неявно присутствует также *парсическая „аура”* генерологии, неявно

связывающая вещи как парсы друг с другом, а также скрыто выходящая за пределы генерологии в остальной мир, и парсически связывающая вещи и их генерологические отношения со всем остальным бытием. Каждая генерология имеет соответствующую ей парсику, несущую информацию о ней за ее пределы. Таким образом, онтико-онтологическая дуальность вещи выступает как ее *парсически-генерологическую (pg-) двойственность*, а ее внешние и внутренние состояния и изменения предстают как *pg-состояния* и *pg-преобразования*.

4. Принципиально новым моментом в *pg-подходе* является то, что монадно-генерологические состояния реальных вещей и причинные отношения между ними можно отождествить с традиционным *материальным* миром. А парсика, поскольку она означает нелокальность, субстанциальность, континуальность, всеприсутствие, неощутимость, может рассматриваться как мир *идеальный*. Это указывает на качественно новый подход к пониманию материального и идеального, а также на то, что (*pg-*) дуальность вещей означает *неразрывность материального и идеального* в любом явлении в мире. Больше того, из рассматриваемого в метафизике тотальности механизма причинно-кондициональной самодетерминации развития вещей как процессов *pg-преобразования* следует также *взаимовлияние* материального и идеального, например сознания человека и его телесного субстрата. Парсические влияния специфичны тем, что *не* нарушают главный (генерологический) ход событий, они лишь „модифицируют”, „оранжируют” их, придают им определенное внешнее своеобразие. На фоне устойчивой генерологии они проявляются в форме случайностей, аномалий, скрытых, несущественных или побочных влияний, спонтанных всплесков, флуктуаций, удивительных совпадений, неявных тенденций и т.п. Но в определенных условиях, например при нарушении сизигийной устойчивости, парсические процессы могут „выходить на поверхность”, приобретать ведущее, генерологическое значение, а генерологические влияния могут переходить в парсическое состояние, обозначая этим *возможность взаимопреобразований материального и идеального*.

5. Из сказанного следует, что принцип онтико-онтологической дуальности является весьма перспективным, он позволяет решать круг еще нерешенных важных проблем философии, религии и науки, среди которых некоторые решаются сразу, по отношению к другим может

быть обозначен продуктивный путь решения. На основе данного принципа возможно решение:

- „основного вопроса *философии*” и „психофизической проблемы”, явления синестезии и амодальности в *психологии*;
- объяснение *религиозных* „сверхприродных” феноменов-чудес (видения и пророчества, воскрешения, потусторонняя жизнь человека и др.);
- результативный анализ *мистических* явлений и соответствующих способностей человека;
- объяснение процессов превращений элементарных частиц в *физике*, разрешение проблем, связанных с построением единой теории поля и экспериментов, касающихся нелокальных физических взаимодействий и др;
- объяснение „пограничных” экстраординарных способностей человека (паранормальные и другие сверхспособности человека – гиперпамять, „рентгеновское зрение”, вещие сны, парапсихология повседневной жизни и другие). Например, на основе принятия двухкомпонентного характера сознания человека как «сознания-1» и «сознания-2» [19, с.267-270].

Ссылки:

1. *Эйнштейн А.* Физика и реальность. – М., Издательство «Наука», 1965.
2. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1987. – 368с.
3. *Мамчур Е.А.* Проблемы социокультурной динамики научного познания. М., 1987. С.57.
4. *Хорган Дж.* Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб., 2001.
5. *Крушанов А.А.* Идея «конца науки» Дж. Хоргана: принципы обоснования позиции // Полигнозис. 2008. № 4. с. 4–13.
6. *Кизима В.В.* Ландшафт – это все // Феномен ландшафту: частини – ціле – все. Філософія і географія. Проблеми постнекласичних методологій/ Збірник наукових праць. – Київ, 2004. – 128с.

7. *Кизима В.В.* Человек в ландшафтных порядках бытия // Тоталогічні образи ландшафту: Матеріали VI Міжнародної науково-методологічної конференції «Філософія і географія. Проблеми постнекласичних методологій1 в природничо-географічних науках /Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтва. Випуск 3. – К.: ДАКККІМ, 2006. – 151с.
8. *Магафуров И.* Скрытая структура хаоса. – М., 2010. – 259с.
9. *Кизима В.В.* Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии, №3, 2010 - с.54-66.
10. *Шеннон К.* Предсказание и энтропия английского печатного текста. – В кн. Работы по теории информации и кибернетике. – М., 1963; *Седов Е.А.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. – 1993. - №5. , с.92-101.
11. *Кизима В.В.* Социум и Бытие. – К.: Издатель ПАРАПАН, 2007. – 204с.
12. *Кизима В.В.* Начала метафизики тотальности // Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография / Отв.ред. Л.П.Киященко, В.С.Степин. СПб.: Издат.дом «Мирь». 2009. – 672с.
13. *Акунов В.И., Чечик А.Л.* Самонормирование (самоорганизация) сложных систем переработки вещества, энергии, информации // Totallogy-XXI (15/16 випуски). Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України. – 2006.
14. *Стахов А., Слученкова А., Щербаков И.* Код да Винчи и ряды Фибоначчи – СПб.: Питер.2007- - 329с.
15. *Кизима В.В.* Метафізика інновацій // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. №30. – Київ: ЦГО НАН України. – 2013.- с.17-96.
16. *Кизима В.В.* Космология с позиций представления о бытии как о тотальности // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. №29. – Київ: ЦГО НАН України. – 2013. – с.25-76.
17. *В.А.Рябов, В.А.Царев, А.М.Цховребов.* Поиски частиц темной материи. // УФН, ноябрь 2008. т.178, №11. с.1129-1164.
18. *В.Кізіма.* Онтико-онтологічна дуальність буття як принцип синтезу філософії, релігії, науки // На шляху до синтезу філософії, релігії і науки. Тези II Всеукраїнської науково-практичної конференції, 10-11 квітня 2009 року. – Львів: Видавництво Національного університету «Львівська політехніка», 2009. – 176 с.
19. *Кизима В.В.* Тоталлогия (философия обновления). – К.: Издатель ПАРАПАН, 2005. – 272с.

20. *Баксанский О.Е., Кучер Е.Н.* Современный когнитивный поход к категории «образ мира» // Вопросы философии – 2002. - №8. – с.52-69.
21. *Антипенко Л.Г.* Дж. Хорган. Последняя граница (реферат) // Полигнозис. 2008. № 4. с. 14–18.
22. *Мамчур Е.А.* Действительно ли фундаментальная наука приближается к своим пределам // Полигнозис. 2008. № 4. с.19–25
23. *Крушанов А.А.* «Конец науки» не очевиден, но «привал» просматривается // Полигнозис. 2008. № 4. с. 26–33.
24. *Казютинский В.В.* Близится ли закат «Века науки»? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XIX, № 1.с. 136–155.

Л. В. Телиженко

ЦІЛІСНІСТЬ ЛЮДИНИ В ПОСТНЕКЛАСИЧНИХ НАПРЯМКАХ: ТРУДНОЦІ І ПЕРСПЕКТИВИ

Л.В.Телиженко. Целостность человека в постнеклассических направлениях: трудности и перспективы.

L.V.Telizhenko. The integrity of the Person in Postnonclassical Trends: Challenges and Prospects

Не вирішене традиційною раціональністю питання цілісності людини, яке фактично складає основу всіх актуальних сьогодні проблем, не дозволяючи зрушити з місця жодну з них, знаходить перспективи свого розв'язання в межах постнекласичної раціональності, яка в Україні представлена, насамперед, синергетикою, реляційним холізмом та метафізикою тотальності. Як зазначалося учасниками Міжнародного проекту з постнекласичної методології, ці напрямки мають спільну концептуальну основу, яку утворюють ідеї та проблеми, що постають у полі зору всіх підходів та разом складають ядро постнекласики [1, с.53]. До числа таких